

ЮЛИЯ НАБОКОВА

Новый год –
время чудес и волшебства, когда каждый
получает то, что заслужил...

Праздник
по Обмену

Юлия Валерьевна Набокова

Праздник по обмену

Серия «Новогодняя комедия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38844601
ISBN 978-5-04-097615-7

Аннотация

Новый год – время чудес и волшебства, когда каждый получает то, что заслужил. Всеволод Серебров – успешный банкир, но совсем разучился делать добрые дела. Дед Мороз решает проучить его и отправляет Сереброва в альтернативную реальность, где он меняется местами с должником своего банка. У Сереброва есть только два дня до Нового года, чтобы исправить свои ошибки, спасти семью должника от выселения и вернуть собственную жизнь и жену.

Содержание

Глава 1. Серый волк	4
Глава 2. Ёлка	29
Глава 3. Письма Деду Морозу	44
Глава 4. Розыгрыш	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Набокова

Праздник по обмену

Глава 1. Серый волк

– Думаешь, у нас есть шанс? – Бледная, невыспавшаяся женщина несмело притормозила, заведя впереди синюю вывеску заведения, мерцающую в ранних декабрьских сумерках. – Других он даже на порог не пустил.

– Ну, не зверь же он? – нарочито-бодро откликнулся ее долговязый спутник в очках и красном шарфе, скрывая волнение.

– Серый волк по сравнению с ним – ягненок, – горько отозвалась его супруга.

– Мама, – тоненько воскликнула идущая между ними маленькая девочка в розовом пуховичке и шапке с большим помпоном, – мы что, к волку идем?

– Нет, Любочка! – Мужчина присел на корточки рядом с дочкой и заглянул в чуточку испуганные голубые глаза. – Мы идем к волшебнику, который может нам помочь.

– К волшебнику? – Глаза девочки округлились от восторга и любопытства. – К доброму?

– Вот это мы сейчас и посмотрим! – Мужчина выпрямился, сжал руку дочки в варежке и решительно зашагал ко вхо-

ду в банк, увлекая за собой жену и дочку.

– Надеюсь, у него сегодня хорошее настроение, – еле слышно пробормотала женщина.

Всеволод Серебров пребывал в благодушном настроении аллигатора, только что отобедавшего антилопой. Годовой отчет о деятельности банка его порадовал. Трудный был год, рискованный. Многие банки закрылись, немногие едва сводили концы с концами, и уж совсем единицы приносили прибыль, как его детище. Страшное чудище Кризис обломало зубы о его неприступную финансовую крепость. И все благодаря его, Всеволода, мудрому руководству.

– Всеволод Игоревич, – заглянула в кабинет секретарша Ниночка, длинноногая и белокурая, как голливудская звезда. – Тут курьер с шубкой.

– Зови! – Всеволод барским жестом махнул рукой.

Сначала в кабинет всплыла белоснежная шуба в прозрачном чехле, не скрывающем всего ее великолепия. Следом, держа вешалку с шубкой на вытянутой руке, вошел курьер. На него Всеволод даже не взглянул, придирчиво осмотрел шубу, расстегнул чехол и погладил густой норковый мех. Роскошная вещь, Инге понравится. Без лишних слов Всеволод вынул тугую пачку денег и бросил на стол. Курьер сгреб деньги и, поздравив с наступающим Новым годом, удалился. А Всеволод сунул вешалку с шубой секретарше.

– Повесь пока куда-нибудь!

Ниночка завистливо вздохнула, любуясь норкой. Ей на такую роскошь в жизни не заработать. Если только заслужить... Девушка стрельнула на шефа красиво подведенными глазками, но тот уже отвернулся. Что ему ее прелести, если у него жена – известная актриса! Ниночка тихо шагнула за порог.

– И сделай мне... – настиг ее повелительный голос Сереброва.

– Зеленый чай? – услужливо обернулась она.

Банкир поморщился и затряс головой.

– Не могу уже пить эту гадость! Кофе.

Ниночка удивленно вздернула ухоженную бровку. Она работала в банке уже три месяца и привыкла к тому, что босс пьет только зеленый чай особого плантационного сорта, который ему с женой привозят прямым из Китая.

– Ты кофе варить умеешь? – нахмурился Серебров, глядя на растерянную секретаршу.

– Конечно! – торопливо кивнула Ниночка, скрывая внутреннее ликование. Это же ее шанс! Раз босса мутит от здоровых привычек, которые пытается привить ему супруга, Ниночка устроит ему сладкую жизнь. Кофе, конфетки, блинчики. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок, даже если он банкир. Особенно если он – изголодавшийся по нормальной пище банкир. А там и до собственной шубки недалеко! – Я мигом!

Шурша чехлом с шубкой, секретарша удалилась, а Сереб-

ров отвернулся к окну. Пошел снег, и банкир нахмурился. Опять будут пробки из-за нечищенных дорог, его свежевываемый «Майбах» весь покроется грязью. Скорей бы отметить идиотский Новый год с партнерами и их женами и улететь с Ингой на Мальдивы, где для них со второго января забронирована уединенная водная вилла с выходом прямо в океан.

Сзади снова зашуршало. Да что ж дура-секретарша с этой шубой туда-сюда ходит? Всеволод сделал зверскую физиономию для устрашения персонала, обернулся и грозно рявкнул:

– Кофе принесла?!

– Волк! – тоненько пискнула маленькая девочка в розовом пуховичке, сжимая в руке шуршащий пакетик с конфетами.

– Ты кто? – вытаращился на нее Всеволод, внутренне похолодев. Вспомнился рассказ знакомого банкира Пузанова, как год назад к нему в банк заявила бывшая подружка и предъявила подросткового наследника. Тот не поверил, заставил тесты на отцовство сдать. Все подтвердилось, и теперь бедному богатому Пузанову приходится отстегивать четверть доходов на алименты. Но там хоть сын, будущий наследник! А это девчонка, соплюха, глаза в пол-лица, того и гляди расплачется.

– Любочка! – раздался из коридора взволнованный женский голос, а за ним грозный окрик охранника:

– Вы куда? Не положено!

Всеволод выглянул из кабинета и рявкнул:

– Пропустить!

Охранник почтительно посторонился, а Серебров так и впился взглядом в мать девочки. Нет, никаких интрижек, даже на одну ночь, у него с ней быть не могло. И дело даже не в изможденном виде женщины, не в ее кругах под глазами и в дешевых шмотках с рынка. У женщины был крупный нос, а Серебров с юных лет не выносил несовершенства. И сколотив состояние, окружал себя только красивыми людьми и вещами.

– Там Любочка... – взволнованно произнесла носатая, шагнув к нему. – Моя дочь.

– И? – грозно осведомился Всеволод. Ну, если начнет рассказывать сказки, что Любочка – и его дочь тоже, мало ей не покажется!

– Она от нас сбежала, – оробев, пролепетала женщина. – Извините.

– От нас? – успел удивиться банкир, а следом на его охранника налетел высокий и нескладный мужчина в нелепом красном шарфе.

– Куда? – Охранник крепко схватил нарушителя спокойствия за плечо.

– Сеня, там Любочка! – с тревогой повернулась к нему женщина.

– Вы кто? – строго спросил Серебров, переводя взгляд с мужчины на женщину.

– Арсений, – представился тот.

– Аля, – женщина смущенно схватила за потертую сумочку через плечо, – Алевтина.

– Бедняковы, – хором закончили они. – Мама и папа Любочки.

Имена Сереброву ни о чем не говорили. Он только понял, что вешать на него спиногрызку никто не собирается, у нее есть родители, и расслабленно махнул охраннику, чтобы отпустил Беднякова.

– Забирайте свою девочку. Она забежала ко мне в кабинет.

Серебров зашел в кабинет и огляделся. Что за чудеса? Машинки нигде не было.

– Любочка! – взволнованно позвала Аля, входя в кабинет вместе с мужем.

– Мамочка! – Из-под его стола пулей выскочила девчонка, спряталась за матерью и громким шепотом сообщила: – Он – Серый Волк! Пойдем отсюда скорее, пока он нас не съел.

– Извините Любочку, – сконфуженно вмешался отец, – она испугалась.

– Кофе, Всеволод Игоревич! – провозгласила Ниночка, появляясь с чашкой на подносе.

– Так вы тот самый? – ахнула мама Любочки.

– Серебров, – сухо кивнул он, беря чашку кофе у секретарши. – Хозяин этого банка. А теперь извините, у меня много дел... Ниночка, проводи.

Секретарша мигом развернулась к непрошеным гостям.

– Подождите! – с отчаянием выкрикнул ему в спину отец Любочки. – Мы ведь к вам пришли, как раз по одному делу.

Секретарша замешкалась, нерешительно взглянула на Сереброву. Дура! Мало того, что унеслась делать кофе, оставила приемную, позволила малявке забежать в его кабинет, так еще не может выставить вон родителей.

– И что за дело? – скучно спросил Всеволод, отпивая эспresso.

– Мы валютные ипотечники, взяли кредит под залог жилья, – выпалил Бедняков.

Всеволод поморщился: начинается! Сколько раз в течение года он уже слышал эту жалобную песню. Только вчера митинг под окнами банка охрана разгоняла, и вот снова!

– Мы уже пять лет исправно выплачивали кредит. Сами понимаете, платежи неподъемные, мы не можем их выплачивать в полном объеме, – зачастил Бедняков, приняв его молчание за внимание. – На днях к нам приходили люди из вашего банка, грозились отобрать квартиру, в которой мы живем. А она у нас одна. Нам с женой и дочкой некуда идти...

Всеволод бросил недовольный взгляд на застывшую секретаршу. Вместо того, чтобы выполнить его поручение и выставить семейство за дверь, стоит, развесив уши, и даже сочувственно кивает. Что за дура такая?

– Войдите в наше положение, – Бедняков просительно заглядывал ему в глаза. – Если бы можно было сделать ре-

структуризацию долга или списание хотя бы части...

У банкира было два железных принципа в работе. Никаких поблажек – это раз. Никакой жалости – два. Начнешь жалеть всех ипотечников, что рыдают перед его кабинетом, сам пойдешь по миру с протянутой рукой и пустым портмоне.

– Вы сами брали кредит в валюте. Порядок для всех один и делать исключений я не буду, – отрубил Серебров. – Нина, проводи.

– Да что вы за человек такой? – с негодованием выкрикнул Бедняков. – У вас что, нет жены, детей?

– Сердца у него нет, – горько бросила Аля. – Пойдем, Сеня, не унижайся.

– Как у Железного Дровосека? – удивленно воскликнула Любочка и во все глаза уставилась на Сереброва.

– Все в порядке, Всеволод Игоревич? – наконец-то догадался заглянуть в кабинет охранник.

– Покажи господам Бедняковым, где у нас выход, – распорядился Серебров и, едва тех выдворили вон, взял чашку кофе. Отпил и поморщился – холодный! Никому не позволено нарушать его покой и врываться в его кабинет. Эти Бедняковы получают хороший урок. Он взял телефонную трубку и сделал звонок. – Макаров, у вас там есть должник по фамилии Бедняков. Отправь к ним сегодня сотрудников, пусть вручат им досудебное уведомление о полной выплате долга в течение десяти дней.

Руководитель кредитного отдела замялся, что-то залепетал про Новый год:

– Праздник все-таки, может позже?

– Я что, неясно выразился? До Нового года.

Серебров бросил трубку и отодвинул чашку.

– Еще кофе, Всеволод Игоревич? – робко кашлянула секретарша.

– Нина, ты уволена!

– За что, Всеволод Игоревич? – опешила девушка. – Вы из-за этих посетителей, да? Так я же не виновата, – зачастила она, – что они вошли, пока меня в приемной не было. Вы же меня сами послали кофе делать!

– За кофе, Нина. Он еще более мерзкий, чем зеленый чай.

Секретарша раскрыла рот, глупо похлопала ресницами.

– Всеволод Игоревич, вы же это несерьезно? Простите меня. Мне эта работа очень нужна, у меня мама больная...

– Свободна, Нина.

– Вы, вы... Серый Волк! – Она всхлипнула и выскочила за порог, со всей дури хлопнув дверью.

Так-то лучше. С Нового года он наймет новую секретаршу – длинноногих красавиц много. Главное, чтобы не была жалостливой душой и не пускала к нему всякий сброд. Время директора банка бесценно.

Ниночка еще какое-то время жалобно всхлипывала под дверью, собирала вещи, в сердцах разбила чашку... С нее станется еще какую-нибудь гадость на прощание сде-

лать.

– Нина! – гаркнул Серебров, и секретарша мигом нарисовалась на пороге и с надеждой взглянула на него. – Шубу смотри не прихвати! Не то вычту стоимость из твоего счета в банке.

– Можете не волноваться! – поняв, что помилования не будет, Ниночка еще раз от души хряснула дверью.

Серебров погрузился в рабочие дела, а когда час спустя он покинул кабинет, секретарши в приемной уже не было. Только на столе лежала шубка в прозрачном чехле, по всей поверхности которого было размашисто выведено слово «Козел».

– Не удержалась все-таки, – ухмыльнулся банкир, как будто иного от секретарши и не ожидал. Попытался оттереть надпись, но ничего не вышло. Предусмотрительная Ниночка использовала водостойкий маркер.

Первым порывом было выбросить испорченный чехол, но Серебров бросил взгляд на окно, за которым лепил пушистый снег, и передумал. Чехол еще пригодится, чтобы донести подарок до машины. А прежде чем презентовать шубку жене, он просто выбросит чехол.

Серебров перекинул шубку через руку, надписью внутрь, и отправился на стоянку.

Двадцать девятого декабря Москва стояла в предновогодних пробках. Чтобы хоть как-то двигаться навстречу дому,

Всеволод срезал, обгонял, проезжал по обочине, проскакивал на мигающий желтый. Хотелось скорее обрадовать Ингу, жена уже должна была вернуться со съемок...

С Ингой он познакомился пять лет назад. Банку был нужен новый рекламный ролик, и Серебров лично отбирал актрис. Инга тогда опоздала. Он уже пересмотрел с десятков красивых мордашек и остановил выбор на грудастой блондинке, похожей на соседку, в которую был влюблен в школе. Опоздавшую Ингу он даже на порог пускать не хотел – не терпел непунктуальности. Но хрупкая девушка, буквально сметя секретаршу, прорвалась в конференц-зал и потребовала ее прослушать. Серебров сначала оценил ее настойчивость, а затем – готический грим невесты Дракулы. Его буквально заворожили колдовские омуты глаз и фарфоровая белизна щек.

– Вы всегда так ходите? – спросил он у девушки-вамп.

– Ах, это... – Она мило смутилась, заправив за ушко каштановый локон. И ушко, и локон были прелестны, как она сама. – Я снималась в массовой фильме ужасов, поэтому и опоздала. Так вы меня посмотрите? Что нужно делать?

– Смойте грим и приезжайте вечером в ресторан. – Он сказал название и поднялся с места, одобритительно отметив, что девушка одного с ним роста. Высокая!

– Почему в ресторан? – растерялась она.

– Потому что кастинг закончен, и мне пора на важное совещание. Но в качестве исключения я прослушаю вас в ре-

сторане. Согласны?

Вопрос Всеволод задал для проформы. Еще бы ей было не согласиться, когда банкир из списка «Форбс» фактически зовет ее на свидание. Поэтому он несказанно удивился, когда в ответ неожиданно прозвучало:

– Нет!

– Что? – Он удивленно обернулся на полпути к выходу.

– Я не прохожу кастинги в ресторанах, – твердо заявила девушка-вамп и гневно сверкнула своими глазами-омутами. – Спасибо, что уделили мне время. Всего доброго!

И она подскочила к выходу, собираясь сбежать.

– Да погоди ты... – Серебров неожиданно для самого себя схватил ее за руку. Девушка снова сверкнула глазищами, явно намереваясь послать его куда подальше с его поползновениями. Вблизи глаза у нее оказались редкого прозрачно-зеленого оттенка, как у русалки. Всеволод в первый миг залюбовался, а во второй – пропал. Девушка выдернула руку, собираясь уйти. Был только один способ ее остановить. – Ты утверждена, – выпалил он.

– Правда? – Она растерянно улыбнулась, и он понял, что попал в точку.

– В тебе больше жизни, чем во всех других девушках, которых я посмотрел, – добавил Всеволод, не покривив душой. – Именно такая актриса должна представлять мой банк. А теперь мне правда пора. Детали обсудим вечером. Я привезу договор в ресторан.

– Деловая встреча? – хитро уточнила она.

– Деловая, – подтвердил Всеволод, про себя подумав, что сделает все, чтобы затащить недотрогу в постель.

– Инга Вишнева, – теперь уже она сама протянула руку, потрясла его ладонь в знак приветствия и лукаво добавила: – Вам же нужно будет внести мое имя в договор.

Вечером они подписали договор на съемки рекламного ролика. А через три месяца поставили свои подписи в загсе и стали законными супругами. Ему так и не удалось уложить в постель недотрогу Ингу Вишневу, в его спальню она вошла законной женой – Ингой Серебровой.

После свадьбы карьера Инги пошла на взлет. Всеволод познакомил ее с нужными людьми, вложил в кинопроизводство, и вот уже Инга Сереброва заблистала сначала в ролях второго плана в сериалах в прайм-тайм, а затем получила главную роль в прокатном кино. Она была одаренной актрисой, и с его поддержкой быстро завоевала симпатии публики. Всеволод гордился успехом жены, его бы никогда не привлекла скучная домохозяйка. Только такая, как Инга – талантливая, красивая, знаменитая – была ему достойной спутницей.

Серебров набрал номер супруги, но та не брала трубку. Тогда он прибавил звук радио. Новогодняя песенка закончилась приторным перезвоном колокольчиков, и зазвучал до отвращения бодрый голос телеведущего:

– Новый год – время чудес! Надеюсь, мои дорогие друзья,

вы уже прониклись праздничным настроением и купили подарки, чтобы порадовать своих любимых.

– Да уж не многие так порадуют любимую, как я, – похвастался Всеволод, бросив взгляд на лежащую на заднем сиденье шубку, и нахмурился, заметив слово «козел» на чехле – прощальный привет от секретарши.

Вдалеке показался рекламный щит с плакатом нового фильма Инги, и Серебров сбросил скорость, чтобы полюбоваться фотографией супруги. Ингу впервые утвердили на главную роль в прокатном кино. Чтобы продвинуть молодую жену, Всеволод надавил на режиссера и прилично вложил в съемки, однако для Инги это осталось тайной. Она считала, что прошла кастинг на общих основаниях, и знала только, что Всеволод оплатил наружную рекламу. И теперь Инга улыбалась ему и всем остальным водителям, застрявшим в новогодних пробках, с плакатов нового фильма. Но только его одного красавица Инга ждет дома! От этой мысли Серебров самодовольно улыбнулся и лихо обогнал таксиста, везшего на заднем сиденье Деда Мороза со Снегурочкой.

– А знаете ли вы, что по статистике перед Новым годом возрастает число разводов и самоубийств? – продолжал трепаться радиоведущий.

– Да ну? – удивился вслух Серебров.

Ведущий словно только и ждал его ответа и зачастил, объясняя:

– Когда все вокруг веселятся, у людей, склонных к депрессии, сдают нервы. А недовольные супруги торопятся разорвать оковы брака до боя курантов и начать Новый год с чистого листа.

– Неудачники! – усмехнулся вслух Всеволод и огляделся в пробке по сторонам, с высоты своего «Майбаха». Слева, испуганно вцепившись в руль старенькой малолитражки, сидела растрепанная полненькая девушка. «Брошенка», – мысленно окрестил ее Серебров. Какому нормальному мужику захочется с такой Новый год встречать? Всеволод повернул голову направо – из замызанной колымаги на него завистливо зыркнул небритый мужик. «Машину в кредит купил, – презрительно отметил Серебров, – и еще десять лет расплачиваться будет. Если от безнадеги руки на себя не наложит». Одни неудачники кругом!

Пробка тронулась с места. Совершив лихой вираж, Всеволод оставил позади случайных соседей по дороге с их проблемами и покатыл навстречу красавице-жене, которая ждала его в трехэтажном доме в элитном поселке.

Инга Сереброва нервно прохаживалась по гостиной, поглядывая на часы. Где же он? Почему не едет? Минуты старого года стремительно утекали, и было так важно скорее все решить.

Инга остановилась напротив зеркала, взглянула на свое отражение. Небесно-голубое платье с открытыми плечами

она купила для Нового года, оно подчеркивало выточенную в спортзале фигуру и добавляло синевы зеленым от природы глазам. Женщина на миллион – роскошная, уверенная в себе, успешная, ослепительная. Ничто не напоминает о голодной студентке театрального, какой она была до брака с Серебровым. А ведь в тот день, когда она вломилась на кастинг к банкиру, Инга была близка к отчаянию...

Ей было двадцать два, и ее только что бросил парень, с которым они встречались с первого курса. Антон, как и она, был приезжим. Они снимали крошечную квартирку на окраине Москвы, мечтали о кинокарьере, а пока бросались за любые подработки – будь то съемка в рекламе дезодоранта или выступление на детском празднике. Перед Новым годом их здорово выручали костюмы Деда Мороза и Снегурочки – можно было заработать денег на пару месяцев безбедной жизни. Правда, деньги у Антона не задерживались – он сразу же спускал их на обновки. Только не Инге, а себе, любимому. Антон считал, что актеру необходимо хорошо выглядеть, а про то, что Инга – тоже актриса, частенько забывал. Она вполне устраивала его, как поклонница таланта, а над ее актерскими амбициями он частенько потешался.

Первый конфликт случился, когда Антон взял Ингу в качестве поддержки на кастинг. Он тогда провалил пробы, а Инга внезапно получила небольшую, всего с одной фразой, эпизодическую роль. Антон не разговаривал с ней почти месяц, но затем начались новогодние праздники – и их прими-

рили костюмы Деда Мороза и Снегурочки и добрая атмосфера праздника. А эпизод с Ингой в итоге вырезали при монтаже. Антон утешал ее, но Инга видела – он едва скрывает злорадство. Ей бы уже тогда понять цену своему завистливому возлюбленному, но агония продлилась еще год.

Любовная лодка разбилась о пьедестал, на который внезапно взлетел Антон. Получив главную роль в фантастическом блокбастере, он поспешил закрутить роман с партнершей по съемкам и вычеркнул Ингу из своей жизни. Он даже не забрал вещи из их съемной квартиры. Начал свою звездную жизнь с чистого листа, нового гардероба и нового жилья. «Ты же понимаешь, у меня теперь другая жизнь», – сухо сказал он по телефону. А Инге в этой новой жизни места не нашлось.

Так, в двадцать два года, она оказалась полной неудачницей. Парень бросил, ролей нет, а оплачивать квартиру в одиночку ей не по карману. Как раз подходил срок оплаты за жилье, и Инга понимала – не сможет заработать. Придется вернуться домой и забыть о карьере актрисы.

На кастинг в банк она примчалась сразу со съемок в масовке, в гриме вампириши. Терять ей было нечего, она прорвалась сквозь закрытую дверь – и неожиданно сорвала вабанк. Сначала получила роль в рекламе, которая позволила оплатить квартиру на три месяца вперед. А затем – предложение руки и сердца. Из тесной однушки Инга переехала в дворец в элитном поселке, где одна ее гардеробная занима-

ла столько же места, сколько вся съемная квартира. Вместе с обручальным кольцом на пальце у нее появились не только новые наряды, но и новые роли – по восходящей, из актрисы второго плана прямиком в звезды.

Инга не прогадала, приняв предложение Серебров. Она была хорошей актрисой, но не выдающейся. Она нравилась публике, а деньги мужа открывали перед ней новые двери и роли. Ее актерская мечта сбылась, карьера складывалась удачно, чего не скажешь об Антоне. Бывший возлюбленный после первого громкого успеха не смог удержать высокую планку, от ролей в сериалах отказывался, считая их ниже своего достоинства, а новых ролей в блокбастерах не предлагали, и вскоре даже поклонники о нем забыли. Антон вернулся к тому, с чего начинал – в новогодние праздники подрабатывал Дед Морозом. Когда в прошлом году бывший возлюбленный вломился к ним в дом в красном кафтане и с бородой, Инга не поверила глазам. Антон перепутал их дом с соседним, куда его вызвали, чтобы развлекать детей. Встрече с ней он тоже не обрадовался и поспешил уйти, сердито стуча посохом по крыльцу...

Инга поежилась в платье с открытыми плечами, шагнула к камину, протянула озябшие руки и грустно усмехнулась. Камин был ненастоящий, хотя дрова потрескивали и отбрасывали золотистое пламя. Семейный очаг, который не греет. А ей так хотелось согреться... Инга бросила встревоженный взгляд на часы на каминной полке. Где же он? Почему

не идет?

За окном зашумела машина, Инга выбежала на крыльцо и счастливо шагнула навстречу любимому.

– Наконец-то! Почему так долго?

– Пробки, – виновато улыбнулся он, целуя ей руки, и Инга почувствовала, как отогревается.

Серебров уже подъезжал к дому, когда позвонил его приятель Пузанов. Тот самый, что в прошлом году получил подросший киндер-сюрприз.

– С наступающим, Сева! Как жизнь?

– Все в шоколаде, – весело отозвался Всеволод. – Деньги рекой текут, моему банку кризис нипочем.

– А жена? Видел плакаты с ее новым фильмом.

– Жена дома ждет, везу ей шубу в подарок, – похвалился он и снова бросил взгляд на меха на заднем сиденье. Вот ведь зараза секретарша! Надо чехол снять, прежде чем Инге шубу на плечи надеть.

– А я своих в Дубай на Новый год везу, – поведал приятель.

– Своих? – удивился Серебров.

– Мы с Наташкой опять сошлись. Все ж не чужие люди, Славик вон у нас какой классный получился, – похвастался новообретенным наследником Пузанов. – Мне эти модельки со счетчиками в глазах опротивели уже. А Наташка – она настоящая. И Славик забавный такой, считает меня вроде Деда

Мороза и не верит до конца, что мы завтра из зимы в лето улетим.

– Рад за тебя, – перебил Серебров, сворачивая к дому. Ему не терпелось скорее увидеть Ингу, а разговоры о чужих детях наводили на него скуку.

– А твоя дочь как? – спросил приятель.

Всеволод нахмурился:

– Все так же!

– Не разговариваете, значит? – понял тот. – Помирился бы ты с ней, Сев. Новый год все-таки!

У ворот дома стояла незнакомая машина. Маникюрша, что ли, к Инге приехала? Домработница только завтра должна прийти, намыть все к Новому году. Всеволод остановил свой «Майбах» у забора и заглушил мотор.

– Чего молчишь? – окликнул его Пузанов в трубке. – Новый год, говорю. Время исправлять ошибки.

– Мне исправлять нечего, – отрезал Серебров, выходя из машины. Он достал шубу с заднего сиденья и принялся расстегивать испорченный чехол, предвкушая, как счастливо улыбнется ему Инга, когда он накинет меха ей на плечи.

– Упрямый ты, Сева, – вздохнул в трубке Пузанов. – Ведь дороже семьи ничего на свете нет. Я это только теперь понял.

В этот момент хлопнула калитка. Всеволод обернулся и увидел, как из калитки сначала показался красный Ингин чемодан, с которым жена ездила на съемки, а за ним – незна-

комый мужик, с еще одной багажной сумкой Инги наперевес.

– По ходу, меня грабят! – тихо охнул в трубку Серебров и, сунув телефон в карман, помчался ловить преступника. – А ну стоять, сволочь!

Грабитель от неожиданности выпустил чемодан из рук, а Серебров, налетев с размаху, повалил его в сугроб. Мужик что-то испуганно пролепетал.

– Молчи, гад! – Всеволод ткнул его кулаком в нос. – В полиции говорить будешь!

Небритое лицо преступника показалось ему смутно знакомым. Вблизи он выглядел моложе, чем на первый взгляд, лет двадцати пяти, не больше.

– И где я тебя мог видеть? – удивился вслух Всеволод.

– Мишка по кличке Шакал, – промычал тот, – ограбление по-русски.

– Ну, если ты шакал, то я – лев! – Серебров ткнул грабителя под ребра, и тот сдавленно охнул. Тщедушный какой грабитель! – Лежи, не рыпайся!

– Приказано уничтожить, – выдохнул тот. – Снайпер...

– Здесь еще снайпер? – ахнул Всеволод, невольно пригибаясь, и затряс преступника за шею. – Кто меня заказал?

– Вы меня... задушите, – просипел преступник.

– Убить тебя мало! – рывкнул Серебров. – Говори, сволочь, кто меня заказал и где Инга?

– Сева! – ахнула позади жена, выходя за калитку.

Всеволод с тревогой обернулся. Инга, накинув на вечернее платье норковый жилет, выскочила за калитку и испуганно таращилась на него своими удивительными зелеными глазами.

– Ты цела? – с облегчением выдохнул Серебров. – Живо в дом! Вызывай полицию. По ходу, меня заказали. Тут где-то еще снайпер.

Но вместо того, чтобы бежать в дом, Инга с отчаянной решимостью шагнула к нему и потребовала:

– Пусти его!

– Что? – не понял Всеволод.

– Отпусти Максима, – напряженно повторила Инга.

– Так вы знакомы? – опешил Всеволод и ослабил хватку. Воспользовавшись его замешательством, преступник оттолкнул его в снег, а сам поднялся и встал рядом с Ингой. Всеволода как ушатом ледяной воды окатило.

– Инга, – прохрипел он, – это ты меня заказала?

– Что за бред?! – воскликнула жена так горячо, как может отрицать свою виновность только очень талантливая актриса. А Инга, безусловно, была талантлива.

– Ты наняла этого, Мишку-Шакала, – Всеволод нетвердо поднялся на ноги и мотнул головой на грабителя, – чтобы убрать меня.

– Вы все не так поняли! – встрял грабитель. – Мишка по прозвищу Шакал – это моя роль, из фильма «Ограбление по-русски».

– Ври больше! – не поверил Серебров. – А снайпер?..

– Снайпер Соколов – тоже моя роль, из фильма «Приказано уничтожить», – объяснил парень. – Вы же сказали, что мое лицо вам кажется знакомым. Вот я и напомнил свои известные роли...

– Так это... – Серебров непонимающе перевел взгляд с Инги на парня и расслабленно улыбнулся. – Твой партнер по съемкам?

– Максим Кисанов, – представился тот.

А он-то себе напридумывал! Конечно, Инга его не заказывала. Жена его любит. Сейчас он подарит ей норковую шубу, они пойдут в дом и... И тут партнер Инги Максим Кисанов положил свои грязные руки на плечи его жены, Серебров так и побагровел.

– Партнер, значит? – криво усмехнулся он вслух и перевел взгляд на чемодан Инги, валяющийся на земле.

– Всеволод, я от тебя ухожу, – звонко сказала жена.

– Вижу, – Всеволод раздраженно пнул чемодан. – К этому шакалу небритому?

– Мы с Максимом любим друг друга, – объявила Инга, смело глядя ему в глаза. Снежинки ложились звездами на ее пышные каштановые локоны. Она была прекрасна, как королева. И, что таить, этот небритый шакал, синеглазый брюнет Максим Кисанов подходил ей куда больше – и внешне, и по возрасту.

– По статистике больше всего разводов случается перед

Новым годом, – пробормотал Всеволод себе под нос и спросил вслух: – А что, милая, до Нового года ты подождать не могла?

– Зачем? – Инга пожала плечами. – Новый год нужно встречать с любимыми, а не тянуть за собой груз ошибок.

– Это я груз ошибок? – Всеволод аж задохнулся от гнева.

– Я ошиблась, когда приняла твое предложение, – тихо сказала Инга. – Я была в отчаянии, а ты так красиво за мной ухаживал. Я думала, ты меня любишь.

– Я люблю тебя, – торопливо выпалил он.

– Ты, Серебров, никого не любишь, – возразила жена. – Ты только деньги любишь. Из-за них ты даже дочь из дома выгнал.

– Нику сюда не приплетай, – отрезал он и криво усмехнулся: – А то ты деньги не любишь? Или скажешь, замуж за меня по большой любви вышла?

– Я думала, что смогу тебя полюбить.

Инга сказала правду, но от этого было только обидней.

– Я для тебя все делал! – закипел Всеволод. – Ты мне карьерой обязана! Где бы ты была, если бы не я?

– Я благодарна тебе за все, Всеволод. Прости меня, если сможешь. – Инга последний раз взмахнула ресницами и взяла за руку Максима.

– Ну и катись со своим шакалом, – Серебров с досадой пнул ее чемодан. – Посмотрим, как он тебя сможет обеспечить! Ты же привыкла к красивой жизни, а что он может те-

бе дать, кроме пламенной любви? А, милая?

Инга молча отвернулась и шагнула к машине. Максим открыл перед ней дверь.

– Прибежишь еще обратно! – выкрикнул вслед Серебров.

Инга юркнула в машину, Максим закрыл дверь и сел на водительское сиденье.

– Даю тебе время одуматься! – надрывался Всеволод, глядя за Ингу за стеклом. – До Нового года! Не вернешься до боя курантов – твоя карьера превратится в тыкву!

Инга последний раз сверкнула на него глазами из-за стекла, и машина уехала, увозя ее в новую жизнь.

А Всеволод, покачиваясь, побрел в свой роскошный дом, где его больше никто не ждал.

Глава 2. Ёлка

– Проходи, располагайся! – Максим суетливо распахнул облезлую дверь съемной квартиры, и Инга шагнула в темноту.

Зажегся свет, и Инга с интересом оглядела небольшой, оклеенный старыми обоями, коридор. Она раньше не была в гостях у Максима. Их страстный роман завязался на съемках в Питере. Потом Максим улетел на съемки в Минск, а она вернулась к Всеволоду и попыталась забыть молодого актера. Но поняла, что уже не сможет. Когда он сегодня днем примчался в Москву и предложил ей переехать к нему, Инга не раздумывала ни мгновения.

Максим втащил ее чемодан и багажную сумку, которые сразу же заняли половину коридора. Помог ей снять короткую шубку, провел в единственную комнату, служившую и спальней, и гостиной.

– Вот! – Он неловко отвел глаза и пригладил темные вихры. Инге показалось, что он уже пожалел о своем порывистом решении связать с ней жизнь.

Она отвернулась, оглядывая комнату. Не жилье, а перевалочный пункт для молодого актера, который все время проводит в разъездах. Старая мебель от хозяев, ни цветка на подоконнике, ни безделушки на полках. Ничего, она это исправит, наполнит это необжитое пространство уютом. По-

ставит елку, зажжет свечи, приготовит праздничный стол. Если только он позволит...

Инга подняла глаза и встретилась взглядом с Максимом.

– Так и живу, – он изо всех сил бодрился, но что-то было не так, и Инга, не в силах дольше терпеть этой невыносимой неопределенности, дрогнувшим голосом спросила:

– Максим, ты жалеешь, что привез меня сюда?

– А ты? – Он шумно сглотнул, не сводя с нее потемневших синих глаз. – Должно быть, после твоего шикарного дворца... Ты ведь привыкла к роскоши.

От облегчения она едва не расхохоталась. Вот ведь дурачок! Ей хотелось кинуться ему на шею, но Инга поборолась в себе этот девичий порыв и заявила:

– Нам срочно нужна елка!

– Елка? – Максим озадаченно уставился на нее.

– Новый год послезавтра, – напомнила Инга. – Как же без елки?

– Значит, ты остаешься? – все еще не веря, переспросил он.

Инга все-таки не сдержалась, поднялась на цыпочки и поцеловала его теплые губы. А затем пол уплыл у нее из-под ног – это Максим подхватил ее за талию и счастливо закружил по комнате.

Совсем другое настроение царило в семье Бедняковых. Пока не подозревавшая о нависшей над их семьей грозой

вой туче Любочка за обе щеки уплетала картофельное пюре, ее родителям кусок не лез в горло. Арсений вяло ковырял свою любимую котлету, Аля с тревогой следила за ним. Ее мутило от запаха жареного мяса, и она без аппетита клевала овощной салатик из помидоров и огурцов.

– Пересолила? – не выдержала она, глядя, как муж гоняет котлету по тарелке.

– Очень вкусно. – Сеня отставил почти нетронутую тарелку и поднялся из-за стола. Какой уж тут аппетит, когда их в любой момент могут выгнать на улицу? За последние полгода они задолжали приличную сумму. Только директор банка мог спасти их от выселения, но и эта надежда рухнула.

– Папа, когда мы будем елку наряжать? – Любочка доела ужин, спрыгнула со стула и потянула отца за рукав.

– Елку? – Сеня рассеянно взглянул на дочку.

– В садике уже давно нарядили. И у Сони нарядили, и у Милены, – Любочка перечислила своих лучших подружек, к которым ходила в гости. – А мы когда нарядим? Я обещала Соню с Миленой в гости позвать!

У Сени в горле встал ком. Пятилетняя дочка хочет праздника и ждет Нового года, а ему не на что купить елку и вообще неизвестно, будет ли куда приглашать Любочкиных подруг в Новом году. Они ведь могут скоро остаться без дома.

Поняв его состояние, Аля взяла дочку за руку:

– Пойдем, Любочка, я тебе мультик про Деда Мороза включу.

– Не хочу мультик! – Любочка капризно вырвала руку. – Хочу елку!

В больших, уставившихся на отца, голубых глазах закипали слезы, и Сеня не выдержал – подхватил дочку на руки, подбросил к потолку:

– Будет тебе елка! Живая, высокая, до самого потолка!

Дочка счастливо рассмеялась, Аля ахнула.

– Вот прямо сейчас и пойдем выбирать! А ну-ка, девочки, собирайтесь!

Любочка умчалась в коридор и чем-то загромыхала. Аля с сомнением обернулась к мужу:

– Разве у нас есть деньги на елку? Мы же не планировали ставить.

– Ты помнишь свое детство? – Сеня приобнял жену. – Помнишь живую елку, которую ради тебя наряжали родители?

Аля кивнула:

– Никогда я так не радовалась елкам, как в детстве.

– Вот и нашей Любочке больше никогда не будет пять лет. Она хочет праздника, и мы ей его устроим.

– Я отложила немного денег на сапоги, – шепнула Аля. – На елку должно хватить.

– Сапоги – это святое, – возразил Сеня. – Возьмем из денег, отложенных на платеж по квартире.

– Но... – Аля с тревогой подняла глаза.

– Как-нибудь выкрутимся! – пообещал Сеня, хотя ника-

кой надежды на это не было.

На ёлочном базаре толпился народ. Инга в приметном полушубке, с распущенными по плечам пышными каштановыми волосами тут же привлекла к себе внимание.

– Смотри, это же та самая актриса, – зашуршали шепотки за спиной, – как ее там...

– А ты популярна, – улыбнулся Максим, держа ее за локоть и увлекая к самым высоким елкам у ограды.

– Подходи, красавица! Самую лучшую елку подберу! – Усатый румяный продавец сделал стойку на полушубок, оценив платежеспособность клиентки, а уже потом взглянул в лицо и расплылся в улыбке: – Ой, это же вы! – И махнул рукой на билборд у дороги с рекламой нового фильма с Ингой.

Защелкали смартфоны – покупатели исподтишка снимали известную актрису, очутившуюся на елочном базаре в спальном районе. Инга увидела тень, скользнувшую по красивому лицу Максима. Известность, к которой она так стремилась, сейчас обернулась против нее. Серебров всегда считал себя важнее супруги – подумаешь, снимается в кино, когда он сам ворочает миллионами. Но Максим ведь тоже актер, а какому актеру понравится находиться в тени своей спутницы?

– Можно с вами сфотографироваться? – К ней подскочили две девушки, оттеснив Максима.

– Можно, но только вместе с моим коллегой по фильму, –

Инга силком втащила Максима в кадр. Девчонки заулыбались при виде красивого высокого брюнета:

– А это кто? Тоже актер?

Максим помрачнел еще больше, и Инга сразу поняла свою ошибку. Для них он был никто. Криминальные сериалы, в которых Максим мелькнул пару раз, девочки не смотрят. Романтическая комедия, где Инга с Максимом снимались вместе, еще не вышла на экраны, премьера была назначена на первое января. А на постерах, оплаченных Серебровым, красовалась одна Инга.

– Давайте я лучше вас сниму, – Максим взял у девчонок смартфон и сделал их фото с Ингой.

– Извини, – шепнула Инга, когда поклонницы отошли.

– За что? Ты звезда, а я никто, – Максим горько усмехнулся, а у Инги заныло сердце. Неужели она снова наступает на те же грабли, как с Антоном? Но ведь бывший парень-актер ревновал ее к успехам, потому что они начинали вместе, а Максим знал, с кем имеет дело, и его это не остановило. Нет, глупо даже сравнивать его с Антоном. Максим не такой.

– Не говори ерунды! – Инга взяла его за локоть. – Когда фильм выйдет на экраны, звездой станешь ты, и уже мне придется отгонять от тебя чересчур пылких поклонниц.

От ее слов Максим повеселел и разругался. Инга с нежностью взглянула на него и внезапно осеклась – ей показалось, что за забором елочного базара стоит Женечка, бывшая подружка Максима, и ревниво смотрит на них. Инга хорошо

помнила тот некрасивый скандал, который закатила девушка при всей съемочной группе, когда узнала, что на главную роль взяли не ее, а Ингу. И сейчас мгновенно представила, как Женечка врывается на елочный базар и устраивает сцену, обвиняя ее, что сначала увела роль, а затем – парня... Но затем между Ингой и забором прошла женщина в меховой шапке, на миг закрыла обзор, а когда она скрылась, то за забором уже никого не было. Инга с облегчением перевела дух. Показалось!

– А теперь берем самую красивую елку и бежим отсюда! Пока мне не пришлось отгонять от тебя вон того пылкого джигита, – Максим кивком указал на черноглазого покупателя, пожиравшего Ингу взглядом.

Пока он расплачивался за елку, с Ингой еще успели дважды сфотографироваться и взять автографы на новогодней открытке.

Ёлку они купили не самую высокую и не самую пушистую, а на какую хватило денег. Выбирали долго и придирчиво. Им никто не мешал – продавец и покупатели водили хороводы вокруг известной актрисы, заглянувшей на ёлочный базар.

– Красивая, как в кино! – Аля, кутаясь в старый пуховичок, проводила взглядом стройную фигуру актрисы в короткой шубке и обтягивающих джинсах. Ее спутника было не видать за большой елкой, которую он тащил перед собой.

– Ты у меня всех красивее! – Сеня чмокнул жену в щеку, и та покраснела от удовольствия.

– Ну что, выбрали елочку? – Румяный хитроглазый продавец наконец обратил на них внимание и загнул такую цену, что Сеня опустил руки.

– Сколько?

– А что вы хотели? – Торгаш высокомерно взглянул на него. – Это же датская ель! А не какая-нибудь там рязанская.

Пришлось вернуть пушистую иностранку с голубыми иголками обратно к стене и присмотреться к самым дешевым вариантам.

– Вот тут у нас акция – все по тысяче, – продавец небрежно махнул рукой на дальний закоулок и потерял к Бедняковым интерес.

Эконом-елки были скорее похожи на палки и никак не тянули на украшение праздника. Сеня пересмотрел все, и ни одна не приглянулась.

– Тысячу они не стоят, вон уже иголки осыпаются, – шепнула Аля. – Пойдем, Сеня!

– Хочу ёлку! – почуяв неладное, затянула Любочка. – Ёлку!

Дочка подскочила к прислоненной к стене невысокой, но пушистой елочке.

– Вот какая красивая!

Сеня замялся. Деревце явно выходило за рамки их семей-

ного бюджета.

– Не потянем, – тихо вздохнула жена.

– Попробуем! – Сеня решительно запахнул красный шарф и направился к продавцу, стоящему к ним спиной. – Подскажите, пожалуйста, сколько стоит эта ель?

Вежливость города берет, и Сеня надеялся, что ему удастся договориться.

Продавец шустро обернулся, бросил быстрый взгляд на елку и озвучил цену:

– Две с половиной!

– Пойдем, Сеня, – Аля потянула его за рукав.

– Хочу ёлку! – зарядила Любочка. – Ёлку! Папа?

– Может, уступите? – Сеня с надеждой посмотрел на продавца. – В честь Нового года?

– Две с половиной, – повторил торгаш и усмехнулся точь-в-точь, как Серебров у себя в кабинете, когда выгонял их вон.

У Сени запылали щеки, а руки сжались в кулаки. На миг ему даже почудилось, что перед ним стоит сам банкир и ухмыляется ему в лицо. Сейчас он покажет, как над ним ухмыляться!

– Да это же грабеж среди бела дня! – начал закипать Сеня. – Чтобы елка столько стоила! Из золота она, что ли?

Продавец, не видя угрозы в нескладном интеллигенте в красном шарфе, пожал плечами:

– Не нравится, не берите.

– И не возьму!

Аля, бросив взгляд на мужа, сразу же почуяла неладное. Никогда ее интеллигентный Сеня не повышал голоса! Она потянула его за рукав, но муж только дернул локтем.

– И другим не советую! – еще громче сказал Сеня. – Елки-то у вас старые! Да вы сами потрогайте, барышня, – обратился он к девушке в шапке с помпоном, нерешительно застывшей возле небольшой стройной елочки. – Иголки такие сухие, как будто эту елку спилили еще год назад.

Доверчивая барышня затеребила своего спутника за рукав:

– Пойдем отсюда. Тут неподалеку еще один базар есть...

На них стали оглядываться. Продавец еще не понял, что происходит, а Сеня уже шагнул к другому покупателю – высокому парню, растерянно переходившему от одной елки к другой.

– Знаете, как елку проверять нужно?

Тот с благодарностью повернулся к нему:

– Вообще-то я первый раз выбираю...

Сеня выхватил одну из дешевых эконом-елок с пожелтевшими иглами и от души хрюкнул ей об асфальт. Парень вздрогнул и попятился.

– Видите, иголки так и сыпятся! – громогласно, на весь базар, объявил Сеня. – Эта елка облетит еще до Нового года!

– Да где это сыпятся? – заволновался продавец, отбирая у Сени елку. – Ничего и не сыпятся! Не слушайте его, моло-

дой человек! Мои елки – самые свежие, только что из лесу! Вы понюхайте, как пахнет!

– Химия, – уверенно заявил Сеня.

– Знаете, я, наверное, искусственную возьму, – замялся парень.

– И правильно! – громко поддержал его Сеня, и парень заторопился на выход. – И вообще искусственные елки лучше живых, – громко возвестил он оставшимся покупателям. – А в торговом центре как раз распродажа – две по цене одной.

– В каком торговом центре? – подскочила к ним кругленькая тетушка в меховой шапке.

– Да вон там, за углом! Только поторопитесь, их мало осталось.

Тетушка со всех ног припустилась на распродажу, за ней заторопились на выход еще несколько человек.

– Эй, – заволновался торгаш, – ты мне так всех покупателей распугаешь!

– Это я могу, – заверил Сеня. – Это я только начал!

Рядом раздался громкий чих – стильная дамочка в красивой дубленке, войдя на базар, расчихалась от запаха смолы. Сеня мгновенно шагнул к ней:

– Будьте здоровы! Хотя разве будешь здоровым среди таких елок? От них же химией за версту несет.

Дамочка еще раз чихнула и попятилась.

– Не слушайте вы его! – ринулся к ней продавец, не желая упускать денежную покупательницу. – Елки у меня са-

мые свежие, самые экологически чистые, только что из лесу. Чувствуете, как лесом пахнет?

– Задохнуться можно! – поддакнул Сеня. – И это на свежем воздухе! А в квартире от такой елки, в лучшем случае, обчихаетесь, а в худшем... – Он красноречиво умолк.

– Что в худшем? – сдавленно спросила дама.

– Задохнетесь, – замогильным голосом изрек Сеня.

– Ты чего несешь-то? – разозлился продавец.

Впечатлительная дамочка зажала нос платком и выбежала вон – только каблучки замелькали. Продавец повернулся к Сене со зверским лицом, и Аля ахнула, вцепившись мужу в рукав.

– Не советую! – не дрогнув, Сеня в другой руке поднял мобильный телефон и включил камеру. – Я все записываю.

– Шел бы ты отсюда, – едва сдерживаясь, посоветовал торгош.

– Я уйду, – покивал Сеня. – С елкой.

– Вот же взялся на мою голову! – Продавец впихнул ему пушистую елочку, приглянувшуюся Любочке. – Бери елку за полторы и проваливай!

– Тысяча, – Сеня вцепился одной рукой в елку, а другой протянул купюру. – Моя последняя цена.

С базара Бедняковы уходили в приподнятом настроении и с елкой.

– Как ты его! – всю дорогу до дома восхищалась Аля и с любовью поглядывала на мужа.

Довольный собой, Сеня втащил елку на четвертый этаж. Он держал ее перед собой и ничего не видел.

– Сеня, – дрожащим голосом позвала Аля и тронула его за рукав. – По-моему, это к нам.

Сеня выглянул из-за елки и похолодел. На пороге их квартиры стояли судебные приставы.

Елка была огромная – три с половиной метра золотых шаров и игрушек. Она растопырилась посередине гостиной, упершись макушкой с пикой прямо в потолок. Чтобы порадовать Ингу, Серебров заказал не только дорогущую искусственную ель, но и оплатил дизайнерское оформление. Получилось не хуже, чем в каком-нибудь шикарном отеле или ресторане. Вот только Инга сбежала от всей этой праздничной роскоши к небритому синеглазому шакалу на старой колыхаге...

А самого Всеволода елка не радовала. Он повернулся к ней спиной и приложился к бутылке дорогого французского коньяка, которую уже наполовину опорожнил. Отчего-то вспомнилась дочь. Он не видал ее с рождения внука, а мальчишке, должно быть, уже лет пять... Внучку бы ёлка понравилась. Как там его зовут? Владик? Павлик? Если бы Ника хотела с ним помириться, назвала бы сына в честь родного отца – Всеволодом. Но Ника всегда была упрямицей, с детских лет стремилась доказать отцу свою самостоятельность. Вот и доказала. Поди, сидит сейчас в убогой халупе со своим

ненаглядным программистом... Как там его? Антон? Дмитрий? Слишком велика честь еще его имя помнить!

Всеволод допил коньяк, метнул пустую бутылку в елку. Та пошатнулась, закачала пушистыми пластиковыми ветвями, но устояла. Только несколько шаров брызнули золотыми осколками на пол. Плевать. Придет домработница и убереет. Ее имени Серебров тоже не знал, даже не пытался запомнить, и в лицо бы не узнал, если бы увидел не дома со шваброй, а в толпе людей. Так, ходит какая-то уже лет пять, машет тряпкой, Золушка... Покачиваясь, хозяин подошел к открытому бару в стене и достал еще одну бутылку коньяка.

– Вы же не собираетесь выгнать нас из дома накануне Нового года? – поставив елку между собой и приставами, придушенно спросил Сеня и размотал другой рукой шарф.

Спиной он прикрывал Алю. Жена открыла дверь ключом и прошмыгнула в квартиру, заведя с собой дочку. Приставы было шагнули к двери, но Сеня выставил елку макушкой вперед, и те попятились.

Противников было двое – прилизанный сухопарый тип лет сорока и парень лет двадцати, оба в костюмах и галстуках. Тот, что постарше, смотрел на него равнодушно, как на пустое место. Мальчишка еще не заостенел душой, в его глазах сквозила неловкость – он словно извинялся за себя и за своего напарника.

– Выставлять вас будут судебные приставы, – сухо поправил тот, что старше.

– Если до этого дойдет дело, – добавил его младший коллега и ободряюще улыбнулся Сене.

– А вы?.. – недоуменно уточнил Сеня.

– Мы сотрудники банка. Пришли вручить вам уведомление о задолженности. – Сухощавый протянул Сене конверт. – Банк дает вам десять дней на погашение долга в полном объеме.

– Как десять дней? – хрипло переспросил Сеня, стиснув конверт.

– Потом мы подаем в суд и будем требовать выселения. – Сухощавый развернулся и зашагал к лестнице.

– С наступающим! – Его молодой напарник виновато улыбнулся, словно извиняясь за плохие вести, и заторопился следом.

А оглушенный Сеня остался стоять посреди лестничной площадки с елкой в одной руке и письмом в другой.

– Ушли? – Из квартиры выглянула испуганная Аля. – Что они хотели?

Сеня шумно вздохнул и закашлялся. Конверт задрожал в руке. Аля взяла его, вынула письмо, пробежала глазами по сухому тексту и ахнула, прижав руку к сердцу:

– Что же нам теперь делать?

– Пойдем наряжать елку. Что нам еще остается?

Глава 3. Письма Деду Морозу

Утро тридцатого декабря началось для Инги с зеленого чая в постель. Она полночи беспокойно ворочалась на старом диване с продавленными пружинами и чувствовала себя принцессой на горошине. Все же за годы жизни с мужем-банкиром она привыкла к комфорту... и к равнодушию со стороны супруга. Он гордился ею, выставял на показ, не жалел для нее дорогих подарков – наверняка и к этому Новому году приготовил для нее что-то роскошное, меха или бриллианты. Но Всеволод ни разу не догадался приготовить ей завтрак. Поэтому чашка чая и бутерброды с сыром, которые принес Максим, так растрогали Ингу. А ведь у них с Максимом даже ночи любви не было – она вчера так устала, пока наряжали елку, что вырубилась сразу же после душа.

– С добрым утром, моя звезда! – Максим подвинул к дивану журнальный столик, смахнув с него на пол несколько журналов. На обложке одного из них Инга заметила свою фотографию и напряглась. Неужели Максим опять намекает на то, что она успешней?

Но парень нежно поцеловал ее, и у Инги отлегло от сердца. Даже странно, что их знакомство началось с неприязни. На роль, которая досталась Инге, претендовала подружка Максима, и поначалу молодой актер затаил на нее обиду и даже несправедливо обвинил в том, что роль для Инги

купил муж. Вот уж глупости! Всеволод никогда бы об этом не умолчал, а муж категорически отрицал свое участие в кастинге. А затем совместные съемки сблизили их, а с той молодой актрисой, Женечкой, Максим почти сразу же расстался...

– С добрым утром! – Она обняла его. – Спасибо за чай.

Она потянулась к чашке и сделала глоток. Чай был отвратительный – крепкий и такой сладкий, что Ингу затошнило. Как будто Максим специально постарался его испортить. Неужели мстит за то, что Инга вчера уснула, оставив его без внимания?

– Нравится? – Максим нежно смотрел на нее. – Я добавил побольше сахара, ты же любишь сладкий.

Инга поспешно кивнула, чувствуя, как заливается краской. Как она могла так плохо подумать о нем? Все на съемочной площадке знают, что она пьет только зеленый чай и непременно сладкий. Максим так старался сделать ей приятное, что слегка переборщил.

– Как раз как я люблю, – горячо заверила Инга и потянулась к бутерброду, чтобы закусить сладость. Откусила, начала жевать и почувствовала вкус плесени. Максим как раз наклонился, чтобы поднять журналы с пола, и Инга быстро осмотрела кусок хлеба – так и есть, заплесневел. Сказать Максиму об этом она не решилась. Все-таки он так старался!

– Ты тут хорошо получилась, – Максим собрал стопку, положил сверху журнал с нею на обложке и притулил на сто-

лик. – Такая ослепительная!

– Скоро и ты будешь на всех обложках, – включилась в диалог Инга, лишь бы не доедать бутерброд. Как бы еще не допивать чай, чтобы не обидеть Максима?

Улыбка парня меж тем погасла.

– Ты же не думаешь, что я ревную тебя к успеху? – нахмурился он.

– Конечно, нет! – горячо воскликнула она и смахнула рукой чашку. Слегка переиграла – хотела только опрокинуть, а уронила на пол. Брызнули осколки, зеленоватая лужица разлилась под ногами.

– Ой, прости! – Инга изобразила смущение и наклонилась за осколками, но Максим мягко перехватил ее руку.

– Не трогай, еще порежешься. Я уберу!

Он собрал осколки и быстро вышел из комнаты, а Инга, минуя разлитую лужицу, подскочила к окну и рванула на себя форточку. Та пронзительно закричала, выдавая ее с головой. Инга обернулась на порог – не видит ли Максим, и метнула в форточку бутерброд, второй. Пируйте, вороны! А она уж лучше без завтрака. Она развернулась, чтобы прыгнуть обратно на диван, но не успела – Максим вошел в комнату с тряпкой в руках и удивленно смотрел на нее.

– Что ты делаешь?

– Что-то душно стало, – соврала Инга и шагнула к дивану, угодив ногой в лужу чая.

– Осторожно, тут могут быть осколки! – Максим не дал

ей ступить шага и подхватил на руки. Короткий миг полета – Инга успела разглядеть облупленный, давно не знавший ремонта, потолок, и она очутилась на диване. Максим так о ней заботится, виновато подумала она, а она бутербродами в форточку швыряется. Подумаешь, неженка! Могла бы и перетерпеть ради любви. Но при воспоминании о заплесневевшем хлебе ее снова замутило. Максим с тревогой взглянул на нее:

– Что с тобой? Ты вся позеленела.

– Ничего, – быстро успокоила Инга. – У меня по утрам давление обычно пониженное.

– Давай я еще чаю с бутербродами сделаю? – предложил Максим, заметив опустевшую тарелку.

– Нет! – нервно вскрикнула Инга.

Максим испуганно замер.

– Нельзя объедаться, – поспешно добавила она. – Надо держать себя в форме.

– Ты и так в прекрасной форме! – Максим улыбнулся и наклонился, чтобы вытереть чай. Подобрал крупный осколок, закатившийся под диван, задержал в ладони. – Эта чашка со мной по стольким съемным квартирам помоталась. Мне ее мать перед отъездом в Москву подарила, – его голос почти не дрогнул, но у Инги внутри все оборвалось. Какая же она дрянь! Разбила дорогую для Максима чашку, память о матери, лишь бы не пить сладкий чай. Она закусила губу, глядя в спину парню, и чуть не расплакалась.

Максим скоро вернулся, присел на диван, притянул ее к себе.

– Ты чего в темноте сидишь? Хоть бы телевизор включила.

Щелкнул пульт, и по комнате разнесся бодрый мужской голос:

– ...у вас еще есть шанс написать письмо Деду Морозу и принести его сюда, в ящик для писем, до 14 часов дня. – Показывали прямое включение из московского парка. Разрумянившийся корреспондент стоял на фоне высокого, с его рост, красного почтового ящика, похожего на расписной теремок. – Дедушка Мороз обещает прочесть все письма и исполнить заветные желания. Разумеется, если вы хорошо вели себя в уходящем году!

– А ты, Инга, что бы попросила у Деда Мороза? – внезапно спросил Максим.

– Я? – Она на мгновение задумалась. – Пожалуй, новую роль. Все остальное у меня уже есть...

Она крепко обняла Максима, отгоняя от себя сомнения. Но в голове продолжал крутиться настойчивый вопрос: почему утро с любимым мужчиной вместо романтики превратилось в сплошную катастрофу? Сначала чай, потом бутерброды, еще и она отличилась – разбила дорогую Максиму чашку. Остается только надеяться, что на счастье!

– Не переживай! – Максим ободряюще ей улыбнулся. – Будет у тебя новая роль! Он не сможет испортить тебе ка-

рьеру.

– Кто? – не поняла Инга.

– Твой муж, – Максим напомнил о последних словах Всеволода, брошенных ей вслед. Серебров поставил ей ультиматум, а он слов на ветер не бросает.

– Он сможет, – хмуро возразила Инга.

– Не такой уж он всемогущий! Может, денег у него куры не клюют, но самого главного за деньги не купишь.

Максим притянул ее к себе и поцеловал. И Инге стало легко и хорошо. Она вдруг поняла, что в жизни есть что-то важнее карьеры и успеха. Если Серебров даже испортит ей карьеру, он не отнимет у нее главного – любви Максима.

Для Всеволода Сереброва утро тридцатого декабря началось с похмелья. Голова трещала, в ушах гудело так, словно рядом готовился взлететь «Боинг». Банкир открыл глаза и увидел перед собой ковер и бутылку из-под виски, закатившуюся под батарею. Похоже, вчера он спикировал на диван в гостиной и промахнулся. Иначе как еще объяснить, что он заснул за диваном прямо на полу? Всеволод потянулся за бутылкой, в надежде, что там осталась пара глотков. Но не успел до нее дотронуться, как бутылка взлетела вверх. Что за чертовщина! Всеволод возмущенно взревел и поднял глаза. Домработница, шумевшая пылесосом, не заметила его за диваном. И теперь, когда она подняла бутылку и обнаружила хозяина, от испуга выронила бутылку обратно. Драго-

ценные капли виски расплескались на ковер, и Всеволод мучительно застонал.

– Ну вот что ты натворила, женщина!

Домработница что-то испуганно залепетала в свое оправдание. Всеволод сфокусировался на ее желтоватом личике с раскосыми глазами. Домработница была тайкой, работу свою выполняла исправно, по-русски не говорила, что Всеволода более чем устраивало до сегодняшнего дня.

– Выключи пылесос, башка раскалывается! – скомандовал он, но женщина только еще шустрее заработала щеткой пылесоса, собирая капли виски с ковра.

– Говорю же – выключи! – рывкнул Всеволод и, не дождав-шись понимания, выдернул сначала щетку из рук домработ-ницы, а затем пылесос из розетки.

Тайка еще более испуганно вытаращилась на него и что-то промяукала.

– Не нужна мне уборка, – хмуро повторил Всеволод. Вытащил из кармана брюк бумажник, сунул домработнице пару крупных купюр. Та аж ошалела от его щедрости и часто закивала головой в знак признательности.

– С Новым годом и проваливай!

Не в силах далее продолжать разговор Всеволод рухнул лицом вниз на диван. Голова по-прежнему раскалывалось, после неудобной ночевки на полу ломило все мышцы и све-ло шею. Всеволод со стоном повернулся, пытаясь принять позу поудобнее. Про домработницу он уже забыл, поэтому,

когда ему на шею легла мягкая ладошка, сердце забилося часто-часто:

– Инга! – порывисто повернувшись, Всеволод застонал еще громче. И от боли в шее, которую свело еще сильнее, и от того, что вместо красавицы-жены на него с тревогой смотрела страшненькая домработница.

– Чего тебе? – огрызнулся он. – Говорю же, вали.

– Массааж? – протяжно мякнула женщина. – Ю нид ри-лааакс!

Всеволод сначала не понял. Ну и странный же язык, тайский! Когда маленькая рука настойчиво коснулась его шеи, он напрягся. Только сексуальных поползновений ему не хватало!

– Ты чего удумала? – Он шарахнулся в сторону и застонал еще сильнее от боли в шее.

– Массааж, – повторила женщина. – Хара-шо!

Не успел Всеволод возразить, как домработница резко нажала в какую-то секретную кнопку на шее, и боль стала отступать.

– Хорошо, – ошеломленно признал Всеволод.

Тайка жестами показала, чтобы он лег на живот, и банкир охотно вытянулся на диване. Пока умелые руки порхали по его многострадальной спине и разминали уставшие мышцы, Всеволода пробило на откровенность.

– Работаю, как проклятый, все деньги стремлюсь заработать. А вот оно как вышло, деньги есть, а счастья нет...

Давненько он ни с кем не разговаривал по душам – не хотел показать своей слабости. А тайка ведь все равно ничего не поймет – лучше слушателя и не найти!

– Хотел жену побаловать, шубу ей привез, а она сбежала с этим шакалом небритым... Ай! – внезапно вскричал он, когда тайка нажала куда-то в болезную точку.

Та залепетала извинения, и Всеволод повел плечом:

– Ты уж там поосторожнее. Один я у себя остался. Вон как вышло-то накануне Нового года – жена ушла, с дочкой я уже пять лет не разговариваю. Да ты, поди, не знаешь, какую штуку она учудила. Влюбилась в нищebroда, программиста какого-то... Он, говорит, папа, перспективный! Я, его, говорит, люблю, и никого другого мне не надо. Ну не дура?

Он повернулся через плечо в поисках поддержки, и тайка прилежно закивала, выражая свое согласие.

– Вон даже ты, чудила заморская, и то понимаешь! А Ника у меня упрямая. – Умелые руки снова запорхали по спине, а Всеволод окунулся в воспоминания. – Я ей согласия на брак не дал, пообещал из наследства вычеркнуть. Так она взбрыкнула и ушла к своему нищebroду, в чем была. Даже вещей своих не взяла, гордая! Думал – перебесится, вернется. А она не вернулась...

Тайка жестами попросила его присесть и продолжила массировать шею и плечи, встав сзади. Всеволод уставился на нарядную елку, достававшую макушкой до самого потолка. И так ему себя вдруг жалко сделалось!

– А теперь мне и Новый год встретить не с кем. Никого у меня не осталось. Впору руки на себя наложить... – уныло забормотал он, окончательно размягчившись под воздействием массажа.

– Харашо, – закивала тайка. – Оччень харашо!

– Не дождетесь! – сквозь зубы процедил Всеволод. – Это только Инге будет хорошо, если я кони двину. Все наследство ей, заразе, достанется.

Тайка вдруг обхватила его шею руками и до хруста вывернула в сторону. Всеволод так и заорал. На миг промелькнула мысль, что под обманчивой внешностью хрупкой домработницы скрывается профессиональный киллер, нанятый, чтобы усыпить его бдительность, а затем покончить с ним в один момент, свернув шею, как куренку.

– С ума сошла?!

Он вскочил с дивана и навис над ней. Тайка что-то испуганно залепетала в свое оправдание. Да нет, какой из нее киллер, успокоился Всеволод. Сама перепугалась до чертиков, так и трясется, как осиновый лист.

– Вот что, хватит с меня массажа! – взяв перепуганную домработницу за локоть, Всеволод выпроводил ее за дверь и вернулся в гостиную.

Он думал, что после изуверского массажа не сможет даже повернуть шею, но внезапно почувствовал себя бодрым и полным сил. Даже голова посвежела и больше не трещала с похмелья. Но не успел Всеволод порадоваться этому, как на

него навалилась тишина пустого дома. Дома, в котором больше не звучат легкие шаги жены и ее серебристый смех. Дома, порог которого никогда не переступали дочь и внук...

Тишина пустого дома оглушала, и банкир поспешно включил телевизор. Пусть болтает, хотя бы видимость жизни создает.

Всеволод опустился на диван, думая о том, как же так вышло, что он, успешный московский банкир, сорока пяти лет от роду, в это предпраздничный день оказался никому не нужен. Словно в утешение, зазвонил телефон, и Серебров радостно схватил трубку:

– Слушаю!

Звонил Пузанов. Он уже долетел до Дубая и теперь тревожился, чем закончилось вчерашнее ограбление.

– Какое ограбление? – не понял Всеволод.

– Ты же сам сказал – грабят тебя! И отключился, а я перезванивать не стал – посадку объявили. Весь полет переживал, как ты там.

– Ах, это, – Всеволод горько усмехнулся. – Ограбили меня, Олег, самое ценное увели. Жену.

И он коротко поведал, что тот, кого он принял за грабителя, оказался любовником Инги.

– Ну, дела! – Пузанов явно оживился. – Может у них того, не серьезно? Вернется еще?

– Я ей ультиматум до Нового года поставил. Не вернется ко мне – все плакаты по Москве сорву и ее карьеру уничтожу.

И его заодно.

– Ну, давай, с наступающим! Мы тут на пляж идем. Буду Славика плавать учить.

Пузанов отключился, а Всеволод невидящим взглядом уставился на экран. Эффектная рыжая журналистка с микрофоном вела прямое включение из парка, за ее спиной виднелся красный почтовый ящик, размером с телефонную будку. К нему тянулась длинная очередь из людей с письмами. Вот дуракам делать нечего, хмыкнул Всеволод и прибавил звук.

– Среди людей, пришедших отправить письма Деду Морозу, не только дети, но и взрослые. И если дети в основном просят подарить им гаджеты и игрушки, то взрослые обращаются к Деду Морозу с просьбами о любви.

– А вы, девушка, что загадали, если не секрет? – Журналистка протянул микрофон невысокой толстушке с густо накрашенными ресницами, опустившей письмо в ящик.

– Секрет, – стеснительно хихикнула она и отошла в сторону.

– Тоже мне секрет! – фыркнул Всеволод у экрана. – И любовь, и кредит! Лет тридцать дуре стукнуло, а все в Деда Мороза верит.

– Напоминаю, у вас есть последний шанс отправить письмо Деду Морозу, – бойко закончила репортаж корреспондентка. – А с вами была я, Кристина Красавина, в прямом эфире из Парка Горького.

– Вот в парк и поеду! – решил Всеволод, вставая с дивана. – Вспомню детство золотое. Я в детстве с родителями как раз в этом парке и гулял.

В семье Бедняковых утро началось с зеленого горошка. Покормив мужа с дочкой оладушками, Аля бросилась готовить продукты для оливье и обнаружила отсутствие важнейшего ингредиента.

– Надо же было так перепутать! – расстроилась она, доставая из холодильника банку воздушной кукурузы вместо горошка.

– Не переживай, я в магазин сбегаяю, – вызвался Сеня. – И Любочку с собой возьму, пусть с горки покатается!

Пока муж с дочкой ходили добывать горошек, Аля успела отварить овощи для оливье и вымыть полы. Елку нарядили еще вчера, украсили мишурой и блестящими игрушками, и теперь в воздухе витал хвойный аромат праздника. Если бы еще забыть о том, что Новый год в их квартире может стать последним, с тоской подумала Аля, поправляя блестящую шишку на ветке.

Резкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть. Неужели опять вымогатели из банка? Но тут повернулся ключ в замке, и в коридор ввалились разбурьявшиеся от морозца муж с дочкой.

– Мама! – бросилась к ней Любочка. – А Дед Мороз к нам не заходил?

– Не заходил, Любочка, – удивилась Аля, снимая с дочки шапку.

Лицо девочки обиженно вытянулось.

– А к Соне приходил! И уже подарки ей подарил!

Любочка, понурившись, прошла в комнату и включила телевизор. Зазвучала песенка из мультика про Простоквашино.

– Мы Соню с мамой в подъезде встретили, – шепнул Сеня, разматывая свой любимый красный шарф – подарок Али на прошлый Новый год. – Вот она и похвасталась про Деда Мороза.

– Где же нам Деда Мороза взять? – вздохнула Аля. Соседи были людьми обеспеченными и могли себе позволить вызвать доброго волшебника на дом. Она тихонько заглянула в комнату – дочка застыла у телевизора. – Отвлеклась вроде!

Сеня приобнял жену за плечи.

– Ты как? Бледная какая-то. За завтраком не ела ничего. Не заболела?

Аля с тревогой взглянула на мужа и тихонько спросила:

– Что будем делать-то, Сень?

Вчера никто из них и словом не обмолвился о злополучном письме с ультиматумом из банка. Сеня убрал его в шкаф и заявил, что сегодня они наряжают елку, а о письме подумают завтра. И вот завтра наступило, а письмо, как заряженная часовая бомба, по-прежнему лежало в шкафу, с каждым часом приближая их к потере дома.

– Я схожу в банк, – после паузы сказал Сеня. – Попробую еще раз поговорить с Серебровым, добиться отсрочки.

– Бесполезно, – Аля покачала головой. – Мы уже были у него вчера. Ты же сам видел – он Серый Волк. И ему нет никакого дела до наших проблем.

– В крайнем случае, возьму его в заложники, – заявил Сеня.

Перед глазами все поплыло, Аля испуганно вцепилась мужу в локоть:

– Сеня, ты что? Не вздумай!

– Шутка! – Сеня с тревогой взглянул ей в лицо. – Ты чего, Аль? Тебе плохо?

– Мутит что-то, – она вымученно улыбнулась. – Это все нервы...

– Ты вот что, присядь давай, – он завел ее в комнату и усадил на диван рядом с дочкой, – и не волнуйся.

Аля с любовью взглянула на дочку, увлеченную новогодними приключениями кота Матроскина, Шарика и дяди Федора. Любочка растет, ей скоро пять лет. Аля все чаще мечтала о втором ребенке, пока позволяет возраст. Но куда им еще ребенка? Решить бы вопрос с квартирой и не остаться бездомными...

– Мама, а ко мне когда Дед Мороз придет? – Любочка потянула ее за рукав халата.

Аля замялась. Она и не заметила, как закончился мультфильм и начались новости.

– Не знаю, доченька. Понимаешь, скоро Новый год, и Дед Мороз очень, очень занят...

– Но ведь к Соне он приходил! – на глазах дочки стали закипать слезы, и Аля прижала ее к груди, зашептала что-то успокаивающее.

– Смотри, какая горка большая! – Она попыталась отвлечь внимание малышки, указывая на экран телевизора. – Хочешь на горке прокатиться?

– Хочу! – Дочка с любопытством уставилась на экран.

Кадр сменился. Теперь девушка с рыжими волосами, веселая и красивая, стояла на фоне большого красного ящика и бойко говорила в микрофон:

– У вас есть последний шанс написать письмо Деду Морозу и опустить его в ящик здесь, в парке. Но поспешите! Ровно в 14 часов Дед Мороз заберет почту...

– Дед Мороз!.. – оживилась Любочка. – Хочу к Деду Морозу!

– А правда, Аль, – Сеня взглянул на жену, – поехали. Хоть развеемся!

– А как же оливье? – растерялась она. – Я еще пироги печь собиралась...

– До вечера еще куча времени, все успеем!

Аля еще не согласилась, а Любочка уже сорвалась с дивана и понеслась навстречу сказке.

– Ура! – донесся уже из коридора ее ликующий голос. – Мы едем к Деду Морозу!

– Кажется, у меня нет выбора, – улыбнулась Аля и протянула руку мужу.

Всеволод наворачивал уже третий круг на «Майбахе» вблизи входа в парк. Парковка была переполнена, и он уже был готов плюнуть на свою дурацкую идею посетить парк детства, когда ему наконец повезло. На освободившееся местечко уже нацелилась белобрысая коза на малолитражке, но Всеволод успел влезть вперед. У козы не было шансов.

– Мужчина, с наступающим! Уступите женщине с ребенком, – упрямая коза приспустила стекло, так что стало видно сидящего в детском кресле спиногрыза позади и бабуку рядом, и просительно улыбнулась.

Всеволод отвернулся и продолжил парковаться. Проходивший по тротуару Дед Мороз в красном тулупе остановился и неодобрительно покачал белой кудрявой бородой:

– Нехорошо!

– Какие-то проблемы, старик? – Всеволод вылез из машины.

– А у тебя, сынок? – неожиданно участливо спросил ряженый и перегородил ему дорогу.

Пришлось двинуть его плечом. Дедок был словно из глыбы льда сделан – с места не тронулся, а Всеволода даже через дубленку будто холодом обожгло.

– Ты чего, дед? – нахмурился Всеволод.

– Не узнаешь меня, Сева? – Ясные голубые глаза добро-

душно взглянули на него из-под меховой опушки шапки. А борода у старика была белоснежная и как будто настоящая. На миг Всеволод испытал мальчишеское желание дернуть старика за бороду – и тут же пришло ощущение дежавю, как будто когда-то давно это с ним уже было.

– Нет, – буркнул Всеволод. – Дай пройти!

На этот раз старик не стал чинить препятствий, подвинулся с пути, и его мгновенно окружили дети.

– Дед Мороз! Ты мое письмо получил?

Всеволод поморщился от громких воплей, пробираясь сквозь малышню. Дурацкий какой праздник – Новый год! А тут еще родители набежали, вытащили мобильники, чтобы запечатлеть любимых чад с Дедом Морозом. Всеволод едва вырвался из тесного плена!

Зашагал ко входу в парк, и тут где-то рядом громко раскаркалась ворона. Всеволод поднял глаза – и встретился глазами с Ингой. Жена смотрела на него свысока, с большого рекламного стенда, между прочим, им же самим и оплаченного! А ворона, присевшая на стенд, трясла головой и хрипло каркала – словно насмехалась над ним. Не в силах снести этого, Всеволод схватился за айфон, набрал номер секретарши и рявкнул:

– Нина! Позвони в рекламное агентство, пусть все плакаты с Ингой на хрен снимают!

– Щас, разбежалась, – неожиданно дерзко отозвалась секретарша.

– Чего-о? – оторопел Всеволод. – Совсем с дуба рухнула? Ты как разговариваешь?

– Вы ж меня уволили вчера. Забыли уже?

И дура-секретарша бросила трубку, а ворона раскаркалась пуще прежнего. Точно насмехается! Всеволод наклонился к обочине, зачерпнул пригоршню снега, слепил снежок и запустил в нахальную птицу. Не попал! Угодил прямо в лицо Инге на плакате. Ворона еще раз каркнула – особенно гнусно! – и улетела восвояси. Ну и ладно, с рекламным агентством он потом разберется... Правда, с пиарщиками договаривалась дура-Нинка, а он сам не знал ни названия агентства, ни их контактов.

Серебров потряхнул руки, зашагал к парку и сразу же очутился в толпе. Со всех сторон в парк спешили люди. Шли целыми семьями, веселыми компаниями, толкались и шумели.

– Осторожней! – рявкнул Всеволод, когда в воротах его чуть не снесла с ног компания студентов.

Вместо того чтобы извиниться, неучи прокричали:

– С Новым годом!

У Всеволода аж в ушах заложило. Он побыстрее протолкался вперед и очутился на территории парка. Совсем вырваться из толпы не удалось – народу было много, под ногами то и дело сновали дети, родители толкали впереди себя коляски, молодежь создавала заторы, останавливаясь для того, чтобы сделать селфи. Всеволоду только и приходилось уворачиваться – от колясок, от санок, от селфи-палок, от бен-

гальских огней и хлопушек.

Среди толпы он особенно остро ощутил свое одиночество – люди пришли погулять семьями, парами, дружескими компаниями. Шли в обнимку и держась за руки. Строили планы на новогоднюю ночь и на весь год. Шутили и смеялись. Признавались в любви. А Всеволоду хотелось волком выть от этого чужого, недоступного ему счастья. Его карманы были полны денег, на банковских счетах лежали миллионы, но во всей толпе некому было взять его за руку или сказать ему слова любви... Много лет назад, когда Сева был еще маленьким мальчиком, он потерялся в этом же самом парке. И сейчас, сорок лет спустя, на него нахлынули те же чувства – страх, отчаяние, тревога, переходящие в панику. Как будто он снова вернулся в детство. Вот только тогда была жива мама, она нашла его и прижала к груди. А сейчас он, успешный московский банкир, оказался никому не нужен...

Внезапно впереди мелькнула золотисто-русая волна кудрей, и сердце забилось чаще. Неужели? Он вытянул шею и увидел, как девушка обернулась к своему спутнику, мелькнул знакомый профиль. Ника!.. Всеволод рванулся вперед, зовя дочь:

– Ника! Вероника!

Дочь не обернулась, толпа все стремительней уносила ее вперед, и Всеволод сильнее заработал локтями. Люди стали возмущаться, но ему было все равно. Он спешил обнять дочь. Наконец, ему удалось приблизиться к ней, схватить

за плечо.

– Ника!

Девушка обернулась, и морок рассеялся. Перед ним стояла чужая женщина с некрасивым лицом, совсем не похожая на его дочь, и растерянно улыбалась:

– Простите, мы знакомы?

Он отдернул руку и отшатнулся, оказавшись один против течения толпы. Женщина продолжила свой путь, а он остался стоять, потерянный и оглушенный. Его толкали, едва не сбивали с ног. Кто-то наехал на него коляской, и Всеволод очнулся. С него хватит! Он выскочил на обочину, а толпа продолжила течь мимо него – праздничная, нарядная, шумная. У людей был праздник, а у Всеволода на душе скребли кошки...

– Что, Сева, потерялся? – раздался позади звучный голос.

Всеволод резко обернулся и увидел Деда Мороза в красной шубе с парковки.

– Откуда вы меня знаете? – насторожился он, отступая назад на газон. – Чего за мной ходите?

Кто их знает, этих ряженных? Вдруг у него под тулупом го-ра мышц, а в посохе – ружье? Может, никакой это не Дед Мороз, а киллер, по его душу присланный? Серебров мгновенно взмок под дубленкой, а старикан ухмыльнулся, подтверждая его худшие опасения:

– Я за тобой, Сева, давно наблюдаю... Запутался ты, Сева, свернул с пути. Деньги во главу всего поставил.

Ну, точно, конкуренты подослали, раз на деньги намекают! Серебров панически огляделся. Толпа по-прежнему текла рядом, не подозревая о том, какой смертельной опасности он подвергается. Но сейчас она казалась не злом, а спасением – нырнуть бы в нее, не будет же киллер по людям палить? Вот только «дед» специально встал между ним и толпой, отесняя его в сторону газона, еще и посох вперед выставил. Мол, не рыпайся.

– Я свои деньги сам заработал, – Всеволод осторожно попятился к обочине, обходя противника. – Ночами не спал, света белого не видел...

– Вот поэтому, Сева, денег у тебя много, а счастья нет, – киллер взглянул на него совсем как добрый дедушка, поучающий внука уму-разуму.

– И что же делать? – делая вид, что поддерживает беседу, Всеволод продолжил спасительный путь к толпе. Еще пара шагов – и он спасен.

Он ожидал, что дедок скажет, что пора завязывать бизнес, продать банк кому надо. Но его ответ Сереброва удивил.

– Добро, – ответил дед.

– Добро? – удивился Всеволод.

– Делай добро, – старикан резво шагнул к нему и опустил рукавицу на плечо, тяжело вдавливая Сереброва в снег, – и будешь счастлив.

По тому, как дед молниеносно, словно какой-нибудь Джеймс Бонд, приблизился к нему, Всеволод понял,

что имеет дело с профессионалом и что жить ему осталось считанные мгновения.

– Добро, – покивал Всеволод, покосившись на посох в другой руке старика. – Шас! – Первым делом он выхватил посох и ткнул им деду в плечо, отбросив противника на несколько шагов назад, вторым – закинул посох подальше в кусты, а третьим – прыгнул в толпу и заработал локтями, чтобы затеряться среди людей.

– Даю тебе последний шанс, Сева! – донесся ему вслед голос киллера, а шею похолодил порыв ветра.

– Это я сам себе шанс даю, – пробормотал под нос Серебров, пригибая голову. Ловко он киллера обставил, везет ему сегодня!

Он отдался на волю толпы, и она вынесла его к большой наряженной елке. Всеволод огляделся – Деда Мороза нигде видно не было. Пора делать ноги! Но не успел он и шага ступить, как ему под ноги бросилась малявка в розовой курточке.

– Осторожней, девочка! – рявкнул Всеволод.

Девчонка подняла голову и тихо ойкнула:

– Серый волк!..

Какое-то смутное воспоминание промелькнуло у Сереброва в голове. Как будто он уже видел эту малявку.

– Любочка! – К ним подскочила бледная носатая женщина. – Куда ты убегаешь!

– Тут был Дед Мороз! – принялась оправдываться девоч-

ка.

– Где?! – Всеволод, испуганно втянув шею, огляделся. Неужели киллер его нагнал? Он шарахнулся в сторону и налетел на долговязого мужика в красном шарфе.

– Господин Серебров? – удивленно вскрикнул тот.

Всеволод заскрежетал зубами. Давай, объявляй во всеуслышанье, что банкир Серебров здесь! Пусть киллеры со всего парка сюда сбегутся! Не успел подумать – как за плечом прозвучал строгий голос:

– Это твой шанс, Сева. Не упusti его.

Всеволод так и подпрыгнул. Обернулся – никого! Что за чертовщина? А долговязый мужик привязался как банный лист:

– Вы меня не узнаете? Мы с женой и дочкой вчера у вас были.

– Не узнаю, – рявкнул Всеволод и двинул мужика плечом. Тот, вот настырный, не посторонился, а с отчаянной решимостью преградил путь.

– Мы вчера приходили к вам по делу о кредите, – заявил долговязый. За его спиной замаячило бледное лицо жены. Ну и нос у бабы! Нос! Он опустил глаза на стоящую у ног девочку в розовом. Спиногрызка!

Серебров запоздало вспомнил вчерашний инцидент. Семья должников!

– Что-то припоминаю, – протянул он. – Фамилия у вас еще такая...

– Бедняковы, – с готовностью подсказал долговязый. – А вчера к нам люди из банка пришли, жалобу с уведомлением вручили, – с отчаяньем в голосе продолжил он. – Как же нам без квартиры? Она у нас одна. Пойдите навстречу...

Бедняков с надеждой уставился на него. А его носатая жена подхватила на руки дочь и прижала к груди, в надежде разжалобить. Но Всеволода это только рассердило. Меньше всего его сейчас волновали чужие проблемы, в то время как собственная жизнь висела на волоске, а где-то в толпе уже подбирался ряженный в Деда Мороза киллер.

– Ничем помочь не могу, – отрубил Серебров.

В тот же миг Бедняковы, словно по волшебству, исчезли, а на их месте возник Дед Мороз.

– Эх, Сева, Сева, – вздохнул Дед Мороз. – Упустил ты свой шанс. Придется по-другому.

Всеволод хотел бежать, но не мог тронуться с места – словно заледенел. С ужасом он смотрел, как старик заносит посох. Елка за его спиной вмиг осветилась огнями, засияла так, что у Всеволода перед глазами поплыло. Посох тяжело опустился ему на лоб, и свет померк.

Глава 4. Розыгрыш

Сознание возвращалось вспышками.

– Сева! Сева!.. – Кто-то тряс его за плечи.

Перед глазами все мелькало, как огни на новогодней елке.

– Папочка! – тоненько скулил кто-то рядом.

Всеволод открыл глаза и увидел над собой елку, а вокруг себя – расступившуюся толпу. Над ним хлопотала Аля Беднякова, рядом всхлипывала ее дочка. Самого Беднякова видно не было, как и Деда Мороза, огревшего его посохом.

– А где?.. – прохрипел Всеволод, приподнимаясь.

– Я здесь! – носатая Аля с готовностью склонилась над ним, поддержала за плечи.

Всеволод мотнул головой – вот привязалась! Его повело, и он чуть не упал.

– Помогите перенести его на скамейку, – скомандовал чей-то высокий голос.

Его подхватили, как котенка, и куда-то потащили. Серебров завозился, просипел:

– Помогите! Убивают!

– Тише, Севочка! – Перед глазами снова мелькнуло бледное лицо с большим носом.

– Какой я тебе Севочка! – Всеволод отмахнулся. Его усадили на скамейку, и перед ним возникло другое женское лицо.

– Как вас зовут? Помните? – спросил тот же высокий голос, что командовал нести его на скамейку.

– Всеволод. Серебров, – отрывисто прохрипел он, насто-
роженно разглядывая крепких парней за ее спиной. Это они
приволокли его на лавку.

– Сколько пальцев? – Женщина сунула ему под нос руку
с облупившимся красным лаком.

Хоть бы маникюр обновила! Вот у Инги он всегда был без-
упречный. Всеволод сфокусировал взгляд и узнал автомоби-
листку, которой он не уступил место на парковке, протянул
удивленно:

– Коза!

– Кажется, у него сотрясение мозга, – озабоченно сказала
та. – Может, вас в больницу отвезти?

– Не надо в больницу, – простонал Серебров. – Хочу до-
мой.

Он рванулся со скамейки, поскользнулся и чуть не упал.
Его снова подхватили крепкие парни.

– Как же нам тебя домой довести? – чуть не плакала Аля
Беднякова.

Чудная! Ей-то какое дело? Или надеется его разжалобить
своей показной заботой? Так это напрасно!

– Я сам, – отмахнулся Всеволод от доставучей бабы.

Коза повернулась к своим, бабке со спиногрызом, о чем-
то посовещалась.

– Я подвезу, – пообещала она. – Мама пока со Степашкой

погуляет. Идемте. Я тут неподалеку припарковалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.